

УДК 008:316.42

А.Н. Рылёва

НАУКА РАБИНОВИЧА

Вадим Львович Рабинович (р. 1935, Киев) – поэт, философ, культуролог. Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (1959) и Литературный институт им. А.М. Горького (1967). Член Союза писателей СССР (1979). Работает в Российском институте культурологии, заведующий сектором «Языки культур». Кандидат химических наук («Исследование некоторых окислительных превращений пропана на смешанных полифункциональных катализаторах», 1967), доктор философских наук («Проблема исторической реконструкции донаучных форм знания», 1986), профессор. Член Исполкома Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. Автор книг «Алхимия как феномен средневековой культуры» (1979), «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля» (1981), «Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух» (1991), «Человек в культуре: введение в метафорическую антропологию» (2008), «Имитафоры Рабиновича, или Небесный закройщик» (2010).

Без преувеличения можно сказать, что В.Р. (так мы за глаза называем Вадима Львовича Рабиновича):

- знает (наизусть!) всю советскую поэзию. Одно удовольствие слушать в его исполнении стихи советских поэтов;
- изготавливает золото с помощью философского камня;
- сочиняет стихи;
- пишет поэтично-философские сочинения.

Некоторые «умные» философы (не культурологи, конечно – боже упаси!) крутят пальцем у виска и завистливо к очередным аплодисментам нашего В.Р. говорят: «Сейчас спляшет», – подразумевая, что уж они-то в отличие от некоторых занимаются серьезной наукой. Однако, не читают его работ... А если бы прочитали, то поняли бы, что В.Р. провидит и опережает...

Конечно главный труд (теперь его называют «классическим») В.Р. – «Алхимия как феномен средневековой культуры». Этот трактат оценили такие корифеи гуманитарной науки, как Бахтин, Асмус и Лихачев. Но в обывательском представлении, во многом выработанном современным подходом, алхимия продолжает оставаться лженаукой потому, что для получения удовлетворительного результата бывает нужно взять «три унции злости».

А вот точка зрения В.Р.: «Главное достижение алхимиков я вижу в том, что они могли сказать: возьми, сын мой, пять унций ртути и прибавь три унции злости. Вот в чем все дело. Это модель новой науки, которая оперирует всей совокупностью явлений, всем мирозданием, соединяет все крайности, снимая различия между номинализмом и реализмом и так далее»¹.

В.Р. не нравится идея реабилитировать алхимию, как это пытаются сделать, например, российские неоалхимики. Он полагает, что алхимия как практика была уместна только в средневековой культуре, а сейчас – в романном мышлении: «Собор Парижской Богоматери», «Гарри Поттер», «Доктор Фаустус», книги Умберто Эко, – и тем она жива.

Одним из потрясений, которое испытала я, попав в учение к В.Р. после МГУ и работы в издательстве «Наука», – это отказ от наукообразного способа изложения. Точкой отказа для В.Р. послужила опять-таки его «Алхимия»: «Либо мне надо было обзавестись алхимической лабораторией и все это воспроизводить, а это дорого, и никто бы не позволил. Либо написать алхимический трактат об алхимии. Что я и сделал. Создавая алхимический трактат, я был в шкуре алхимика, но при этом рефлексировал об алхимии. Возникало такое двойное зрение»².

Отказ от наукообразности – не прихоть, а точное следствие из понимания культуры (см. две главные идеи ниже), это особый способ мышления для того, чтобы определить какое-нибудь явление в прошлом. В каком-то смысле это развитие идеи диалога культур учителя В.Р. – Владимира Соломоновича Библера. В.Р. исходит из того, что каждый человек – немножечко древний китаец, немножечко алхимик, немножечко гностик, немножечко древний индус... Он носит все эти типы мышления в себе самом – их надо только раскрыть и приобщиться. Но приобщиться с помощью наукообразной речи невозможно, отсюда все рече- и языковые особенности В.Р. Они становятся частью его научного метода.

А поэтому главной темой размышлений В.Р. является *человек* в культуре...

Любимые персонажи – Евангелист Иоанн, Августин, Алкуин, Абельяр, святой Франциск, Роджер Бэкон, Раймонд Луллий, Альберт Великий, Уильям Легленд, Данте, Петрарка, Агрикола, Кардано, Иван Барков, Хлебников, Крученых, поэты Серебряного века...

Конечно, главным в его творчестве является понимание культуры, к которому он шел постепенно: «А что такое культура? Культура – это все. Даже космические объекты. В той мере, в какой они названы. Я вышел на пленэр – солнце сияет, снежок лежит сверкающий, я вышел рано – и что мне вспоминается как человеку, живущему в России и читавшему Пушкина? “Мороз и солнце; день чудесный!” А Луису Сенгору из Сенегала вспомнится что-нибудь негритянское, африканское, этакое. Вот как привносится национальное в поэзию! Поэзия космична и демиургична, поскольку всегда при Начале».

Обратим внимание на два утверждения В.Р.: культура – это все, что названо, а настоящему названо может быть только поэтом (!).

Из такого понимания культуры проистекают и все прочие соображения В.Р.

Он предложил изящную, артеактно-артефактную схему культурологии: культура в сущностных своих характеристиках исторична и креативна – творяща (артеакт). Как, впрочем, и субъект культуры, который историчен сам по себе, хотя бы потому, что когда-то родился и когда-то умрет, и тем самым свершит свою историю. Собственно, это и делает культуру культурой – творением артефактов, исторически первородных и уникальных навсегда. Но не менее важны, по В.Р., консервационные чаяния артефактов культуры, должных внешне оставаться равными самим себе.

Таким образом, специфика культурологии В.Р. определена не столько предметом (им может быть любой продукт человеческой деятельности, как, впрочем, и сама деятельность), сколько особым взглядом на предмет, особой стратегией гуманитарного исследования. И преподавания тоже. Выйти из себя, но и остаться собою, равным самому себе. Таков предмет культуры в его историческом, но и сиюминутном бытовании. Отсюда следует, что культурология двухчастна, точнее, двухполюсна. С одной стороны, это историческая культурология (культура как творчество, культура как диалог культур, типология культур, реконструкции образов культуры). С другой – консервационная культурология (музееведение, охрана, консервация и реставрация историко-культурных объектов-образцов). Просто и функционально, снимает все противоречия предыдущих определений (их сейчас насчитывают около 300, если не ошибаюсь).

В русле этих размышлений В.Р. развивает свою *метафорическую антропологию*, основным концептом которой является *имитафора* (с одной стороны, она указывает на имитацию, с другой – на метафору). Его идеи творящей культуры и имитафоры удивительным образом «уложились» в систему (иначе не назовешь) научных открытий, которые буквально за пять последних лет перевернули (или должны были перевернуть) представления культурологов. Получается, что В.Р. интуитивно понял и сделал ставку на основной механизм рече- (а стало быть, и культуро-)порождения – метафору. И правильно сделал, как выясняется. Позволим себе сформулировать главную идею золотоделателя В.Р.: человек порождает культуру, а культура – человека. Как видим, абсолютно взаимовыгодный процесс!

Вот как объясняет природу имитафоры В.Р. в одном из своих многочисленных интервью: «Когда я размышлял о природе культуры (а культура, по-моему мнению, это все, чему дано имя, а чему не дано имя, того и не существует), то я представлял себе культуру, повернутой назад в прошлое, и в этом смысле она – имитационное дело, и – обращенной в будущее, то есть здесь она предстает как дело метафорическое. Потому что метафора по-гречески – это всего-навсего тележка, повозка, которая переносит смысл сказанного из одной точки в другую, и этот смысл в другой точке поворачивается иным своим значением и поэтому не является тем же смыслом, который у него был раньше. Он то же, да не то же. А имитационная часть – это традиционная часть, метафорическая же – инновационная. И культура обращена как в прошлое, так и в будущее – она вся в топике припоминания и вся в утопическом предвидении, хотя представляет собой настоящее мгновение, миг, а миг, он равен вечности. Поэтому когда я создал термин “имитафора”, я тем самым подчеркнул два противоположных направления – имитационное и инновационное. Метафора и имитация. Или – традиция и новаторство, говоря тухлым языком современных литературоведов»³.

В последние десять лет В.Р. интересуют исследования в области русского поэтического и книжного авангарда. Особое внимание он уделяет издательскому эксперименту Велимира Хлебникова и Алексея Крученых – они издавали маленькие рукописные книжечки. Их разрисовывали замечательные художники: Гончарова, Ларионов, Малевич, Розанова и другие. Издавались эти книжки небольшими, несколько десятков экземпляров, тиражами, словно бы возвращаясь к средневековой рукописной манускриптной книге. Неудивительно, что В.Р. уловил эту волшебную связь между русскими будетлянами (Хлебников – Крученых) и средневековьем – русским и европейским. Более того, когда он обратился к русской поэзии XVIII века, точнее, к Третьяковскому, он уловил в его силлабическом и в их кубофутуристическом проектах некие абракадабры... На самом деле это не абракадабры, а поиск первослова, возврат к началу, к сотворению мира номер 2 (В.Р. считает, что мир культуры сотворен человеком – это мир № 2, созданный в Седьмой день культуры, а Бог сотворил мир №1 в предшествующие шесть). В.Р. понял, что эти поэты, шли к созданию звукобуквовидов (как он это называет) обращали читателя к началу русской речи, к первому слову, протестуя таким образом против символистской гладкописи.

У В.Р. вышло несколько поэтических книг: «В каждом дереве скрипка», «Фиолетовый грач», новый сборник – «Синица ока». Поэзия для В.Р. – это его алхимическая лаборатория. У него есть обычай завершать свои научные выступления стихами, которые (!) складываются практически параллельно и в унисон научному докладу. Именно эти стихи некоторые считают дополнением к докладу или статье В.Р., в то время как они являются, чуть ли не главной составляющей его метода.

Вот стихотворение «Этот мир» В.Р., как мне кажется, соответствующее случаю:

Отношенья ко мне не имея
И меня не волнуя пока,
В предвечернем огне пламеня,
Нижег ласточка облака.

Но когда эта чуткая птица
Черным вычернит лет перелет,
Значит, что-то такое случится
И под чем-то черту подведет.

Неужели под жизнью моею,
В гулких трубах, стенаниях лир,
И под тем, что я нынче имею, –
Этой птицы безмолвный пунктир?

Но веселие глаз моих светлых,
Но взыгранье резвой плотвы,
Но листвание в кленах и ветлах
Все еще шелестящей листвы –

Все восстанет в своем изначалье,
Разорвет этот черный пунктир
В дымке мреющей тихой печали
Под бессмертным названием Мир.

Мое доброе, мое злое
И навеки любимая – Ты,
Мое рыжее и золотое
У моей – у последней – черты.

В 2006 году В.Р. удостоили звания Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. И все должны были оглашать при этом всякие витиеватые речи, а он произнес самую короткую, как он говорит, в своей жизни речь: «Благодарю руководство моей страны, что у руководства моей страны хватило воображения дать это высокое звание Рабиновичу...». На этом месте все посмеялись. «И, во-вторых, – продолжил я, – дважды благодарю руководство моей страны, что этим Рабиновичем оказался я».

В.Р. – мастер рассказывать анекдоты в нужный момент (таковой всегда находится на лекциях, в его выступлениях и других подходящих местах). А вот его любимый анекдот про Рабиновича. (Мне он рассказывался уже приблизительно 486 раз, всякий раз – с новыми интонациями и обязательным вопросом: сколько раз я тебе уже его рассказывал?)

К Василию Ивановичу прибегает взволнованный Петька.

– Василий Иванович, про вас такое говорят!

Отстань, Петька, что про меня говорят, мне на то наплевать! Тут Фурманов написал донос обо мне в ЦК! А ты – «Что говорят!».

– Да, но про вас такое говорят!

– Отстань, Петька, тут Анка скурвилась, а ты «Про меня такое говорят!». Тут белые на носу, а ты – «Говорят!». Ну что про меня говорят?

– Василий Иванович, про вас говорят, что у вас фамилия... Рабинович.

Василий Иванович достает из кармашка пенсне, одевает на нос и произносит: «Видите ли, Петя...».

***

Мне, чудачу моей большой страны,
Увязнувшему в мировых вопросах,
В широких брюках, в туфлях тупоносых,
Взглянуть бы на себя со стороны.

Сквозь гулевой, веселый тарарам,
Как будто по миру, бреду по миру.
А вот я постучал не в ту квартиру.
А вот дорогу перешел не там.

В. Рабинович

***

А теперь текст о В.Р. – учителе. Я подготовила его для конференции молодых ученых, думаю, он вполне характеризует метод обучения В.Р.

Ах, братец Одуванчик,
Сестрица Резеда
И ты, свистун Гушканчик,
Что скажете тогда?

Вадим Рабинович

Мне повезло. В моей жизни были замечательные учителя. Кем бы я была без них? Особняком стоит Вадим Львович Рабинович.

Шел 1996 год. «Пойдемте, Анна, я познакомлю Вас с Рабиновичем – возьмите свою работу», – сказала мне моя начальница. Помнится, я тогда боязливо пробормотала что-то вроде: «Может, не стоит». Мне предстояло защищать работу о Кандинском в Баухаузе, дело не шло – работу ругали не просто всем сектором, собрали весь отдел, чуть не половину Российского института культурологии, где я работала к тому времени уже почти пять лет. Особенно мне доставалось за стиль написания. Работу вынесли на большой ученый совет. Рабинович предполагался оппонентом, он тогда занимался авангардом. Все боялись его ярко-едких выступлений – мог стереть в порошок. От меня не осталось бы даже пыли. Тогда я подумала, что если сотрет, брошу всю эту науку.

Мы вошли в кабинет. Он сидел за накрытым столом, спиной к двери и что-то жевал. (Я подумала, что они уже обо всем договорились.)

– Проходите, садитесь, – предложил он. – Водки хотите?

– Ну, вы тут поговорите, – сказала начальница и тактично вышла...

– Что там у Вас? – продолжая жевать, спросил Рабинович.

Я стала с энтузиазмом рассказывать, с ужасом понимая, что вроде бы впечатления не произвожу. Когда В.Л. с ходу стал мне возражать, как показалось, не разобравшись, я рассердилась (терять уже было вроде бы нечего) и заявила:

– Знаете, я вообще-то умная девочка.

Рабинович внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Давайте Вашу работу, я должен почитать.

На совет я шла, вся дрожа, не только от осеннего холода. Не помню, как делала доклад, но помню улыбку Рабиновича, которую он посылал Разлогову, поднимая при этом большой палец. А потом он выступил. Не помню, о чем он говорил, но я вдруг поняла, что еще не все потеряно, что у меня, оказывается, есть свой стиль, а это – хорошо. После доклада я подошла к Рабиновичу, чтобы поблагодарить за поддержку. Поблагодарила я так:

– Я бы Вас расцеловала бы.

– Так расцелуйте, – резонно заметил Рабинович. А затем предложил:

– Хотите, я буду Вашим научным руководителем?

– Так у меня уже есть, – заметила я.

– Заменим, – уверенно произнес Рабинович.

И я вдруг ему поверила. Тогда я даже радовалась, что так все удачно складывается. Тогда я еще не предполагала, что меня ждет. Тогда мне еще предстояло узнать, что такое наука Рабиновича...

Началось все с чтения его «Алхимии...», я читала и читала. Я не понимала фразы, не понимала, о чем идет речь вообще. Большая часть слов, вроде бы была знакома, но в голове они никак не складывались. Рабинович объяснил, что материал должен сопротивляться. Это было сильное сопротивление. Казалось, из меня ключьями вылетали представления о науке, полученные в МГУ, в издательстве «Наука» и РИКе, где я работала. Без преувеличения скажу, что с чтением «Алхимии...» менялось миропонимание (тогда до меня это не доходило). Отчетливо помню, как где-то после полугода чтения случилось озарение. Это было чудо – оказывается, текст имел свой

ритм. Как сейчас помню, это был фрагмент о Зосиме Панополитанском. Я еще подумала, что он размышляет в тех же цветах, что и Кандинский. Словно какой-то замок отомкнулся. Текст Рабиновича обрел объем, цвет и даже запах... Я тогда почему-то ощущала вкус хорошего, с зеленью, сыра (позднее выяснилось, что В.Л. как раз такой сыр и любит – с зеленью).

Следующей книгой была «Исповедь...». Чтение шло уже легче. Сильным потрясением оказались его слова, о том, что наука должна быть точной и веселой. Помнится, об этом мы говорили за сарделькой с кетчупом и пивом в закуской на Кропоткинской, недалеко от Института философии. Однако, читать и понимать учителя – не то же, что писать самому. Мне всегда казалось, что я умела писать. Но как только дело доходило до собственно нового текста (а его смысл и структура под влиянием Рабиновича сделались уже совершенно другими), наступал ступор. Однажды у нас состоялся резкий разговор, который я до сих пор помню. Я канючила, что текст не идет, ничего не получается. В.Л., до того со мной лояльный и веселый, вдруг с изменившимся лицом (оно стало у него словно каменным и каким-то сизым, его нос при этом побелел, верхняя губа ощутимо дрожала) сказал: «Если тебе что-то дано, то ты Там ответишь за то, что не сделала!». Это были ужасные годы потери себя и разочарований – старые представления вылетели, новые вроде бы появились, но они еще не стали моими настолько, чтобы водить моей рукой. Добавим к этому характер В.Л. (да и мой тоже – не сахар). По видимому, В.Л. во мне разочаровался, так во всяком случае тогда казалось.

Однажды для РИКовского сборника я готовила статью «Двадцать восемь». Это было непередаваемое ощущение текста. Я писала статью три дня, все три во сне каждую ночь слышала игру флейты, эта музыка звучала и когда я писала текст, она задавала ритм, интонацию, еще что-то. В.Л., одобрительно ухмыляясь, сказал: «О!». С этого момента мы начали обсуждать все тексты, которые рождались у меня ли, у него ли. Я чувствовала, что обретаю свой голос, интонацию. Наши телефонные разговоры – это сплошь обсуждение удачно/неудачно сказанного или написанного, мне льстило, что В.Л. не чурается обсуждать со мной свои стихи и статьи, выслушивает мои соображения. Каждый день – такая текстовая тренировка, словно мы делаем вместе пробежку и гимнастику. Честность по отношению к своему слову и уважение к своему слову – вот немаловажные составляющие науки Рабиновича. Но наука его опасная – ученик рискует потерять себя. Полагаю, мне просто повезло...

...Сугул. Невысок. Всеобщ.
Бел. Красен. Себе на уме.
В серых глазах – печаль. Весь в крошках.
Неловок.

Любит пировать. Всех любит.
Пиво и рыбку. Арбуз и сосиски с кетчупом.
Хлебосолен. Все его любят.
Прийти правильно.

Говорит. Жест рук. Набычился.
Речь. Звук. Преображение.
Смех детский. Стихи. Стихи. Стихия.
Музыка.

Мысль остра.
Логика обескураживающа.
Наповал. Насквозь.
В суть. В точку. В...

Буен. Драчлив. Обидчив.
Ругательски руглив. Злопамятен.
Анекдоты.

Одинок.
Тоскливо одинок! Бесконечно одинок!
Щемящее одинок!

Ах, братец!..

Вся ученая культура – не для него, вся культура – не для него. Он одинок... Он один... Один... Идет. И в этом шаге рождаются миры, рождается он сам, рождается культура. Он идет. Непостижимый, всегда первый, всегда единственный. Шаг. Он идет, и в этом шаге умирают миры, умирает он сам, умирает культура. Он идет. Он Одинок.

Ах, братец...

При-общить. При-частить.

– А можно попасть в ритм? Шагнуть вместе. А, можно вместе?!

– Нет. Не позволено.

Только сам, один, одинокий.

Только там, в первом шаге, рождаются миры, культура и ты сам.

Шагай! Я тебя подтолкну. Туда, к ним, в толпу, в смех, в одиночество.

Один. Один. Один...

Ах, братец...

Путь тернист и витиеват.

Чреват.

Зато что-то, кажется, получилось...

Примечания

¹ Из беседы с В.Л. Рабиновичем (1998)

² Дети Ра. 2010. № 3 (65).

³ Там же.

© Рылёва А.Н., текст, 2010

© Рылёва А.Н., фото, 2010

Статья поступила в редакцию 5 августа 2010 г.

Рылёва Анна Николаевна,

доктор культурологии, профессор,

главный научный сотрудник сектора «Языки культур»

Российского института культурологии (Москва)

e-mail: ryleva@mail.ru

UDC 008:316.42

A.N. Ryleva

A SCIENCE OF RABINOVICH

Ryleva Anna Nikolayevna,

Doctor in Cultural Research, Professor,

Chief Researcher of the Languages of Cultures Department,

the Russian Institute for Cultural Research

e-mail: ryleva@mail.ruaterina